

UDK 297.1+394.2	Содержание статьи	Информация о статье
DOI: 10.21779/2077-8155-2016-7-3-69-76	Введение Посемейные списки 1886 г. как источник по дагестанской антропонимии Посемейный список с. Кубачи и характеристика имен его жителей (мужчины) Заключение	Поступила в редакцию: 14.03.2016 Передана на рецензию: 14.03.2016 Получена рецензия: 15.05.2016 Принята в номер: 26.07.2016
А.Д. Магомедов*		

Антропонимический материал арабо-мусульманского происхождения в посемейных списках 1886 года (с. Кубачи)

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН; amirbek.49@mail.ru

Статья посвящена изучению дагестанских антропонимов арабо-мусульманского происхождения в посемейных списках 1886 г. и опыту их передачи на русский язык. Исследование проведено на материалах кубачинского сельского общества Кайтаго-Табасаранского округа (ныне Дахадаевского района РД). Изучение исторического опыта формирования традиций передачи дагестанских антропонимов арабо-мусульманского происхождения важно для понимания общих проблем фиксации таких материалов и выработки единых правил их транслитерации в официальных материалах. Оно позволяет также проследить динамику изменений антропонимов в исторической перспективе.

В заключении автор отмечает, что антропонимический материал, извлеченный из «списка», позволяет не только дополнить наши знания по культуре, социальной истории этого села (что было уже известно), но и получить данные по истории формирования его ономастикона. «Список» 1886 г. позволяет получить материал и для сравнений с современными материалами, проследить динамику развития антропонимии за последнее столетие, «увидеть» истоки формирования практики транслитераций национальных имен на русский язык в официальном делопроизводстве.

Ключевые слова: *посемейные списки 1886 г., антропоним, арабские имена в Дагестане, русский перевод дагестанских имен, с. Кубачи.*

UDK 297.1+394.2	The content of the article	Information about the article
DOI: 10.21779/2077-8155-2016-7-3-69-76	Introduction Family records of 1886 as a source in Dagestan anthroponomy. Family records of the village of Kubachi and characteristics of its male inhabitants' names. Conclusion	Received: 14.03.2016 Submitted for review: 14.03.2016 Received to review: 15.05.2016 Accepted in: 25.07.2016
А.Д. Магомедов*		

* *Амирбек Джалилович Магомедов* – главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, доктор исторических наук.

* *Amirbek Dzalilovic Magomedov* – Doctor of historical Sciences, Institute of Language, Literature and Art, DSC of RAS.

**Anthroponymic Material of Arab-Muslim Origin in Family Records of 1886
(the Village of Kubachi)**

Institute of Language, Literature and Arts, DSC of RAS; amirbek.49@mail.ru

The author examines Dagestani anthroponyms of Arabic-Muslim origin in the family records of 1886 and the issues of their translation into the Russian language. The study is based on the materials of Kubachi rural community of Kaitag-Tabasaran district (now Dakhadayevsky district of the Republic of Dagestan). The study of historical traditions in the translation of Dagestan anthroponyms of Arab origin is important for the understanding of the common problems of such materials documentation and working out common rules of their transliteration in official materials. The study also allows to trace the changes in anthroponyms from the standpoint of historical perspective. The author concludes that the anthropological material recovered from the records allows not only to supplement our knowledge on culture, social history of the village (which was already known), but also to obtain data on the history of its onomasticon formation. The record of 1886 also allows to obtain the material for the comparisons with up-to-date data, to trace the development of anthroponymy through the last century, to see the sources of the national practices of ethnic names transliterations into the Russian language in official records.

Keywords: family records of 1886, anthroponym, Arabic names in Dagestan, Russian translation of Dagestani names, the village of Kubachi.

Введение

Основная масса дагестанских личных имен, как считают языковеды, проникла из арабского языка вместе с мусульманской религией [1, с. 366]. Она активно изучается учеными-лингвистами [2; 3; 10]. Вместе с тем историческая антропонимия Дагестана на сегодня практически не изучена.

Посемейные списки 1886 г. как источник по дагестанской антропонимии

Одним из ценных источников по исторической антропонимии являются посемейные списки 1886 г. «Списки» были одной из первых переписей кавказского, в том числе дагестанского, населения в составе Российской империи. В Центральном государственном архиве РД хранятся дагестанские материалы этой переписи. В 2009 г. они были оцифрованы, и сегодня исследователи могут пользоваться компакт-дисками с материалами «списков», что значительно облегчает работу исследователей. В силу того, что за прошедшее время на подлинниках «списков» чернила выцвели, оцифровка позволяет легко читать выцветший текст и даже исследовать почерк писаря-переписчика.

Одной из главных целей составления «списков» был учет мужского населения по возрасту для определения времени призыва молодежи на военную службу в царскую армию. Ингушские архивисты выявили документ Министерства финансов Российской империи, где отмечено, что это была «перепись туземного населения Кавказского края с целью привлечения его к отбыванию воинской повинности» [5]. Однако в эти планы правительства позже были внесены коррективы. Горцы Северного Кавказа с 1887 г. не подлежали обязательному воинскому призыву, а вместо нее платили денежный налог [8] или несли трудовую повинность, как это было во время Первой мировой войны [7].

Посемейная перепись – уникальный материал по экономической, социальной истории дагестанских сел. Поэтому в большей степени «списки» оказались интересными для краеведов, историков, архивистов. К сожалению, краеведы не всегда сохраняют историческую орфографию документов. Поэтому уровень «научности» таких публикаций не всегда высок. Значительную работу по публикации «списков» проделали ингушские

архивисты, издавшие несколько томов этих материалов по территории Терской области [9]. В Дагестане «списки» еще в полной мере не изучены как исторический документ.

Кроме культурологической стороны изучения этих материалов есть и филологическая сторона, которая на сегодня практически не изучена. Речь об антропонимах. По «спискам» можно изучать особенности мужской антропонимии. Женское население в переписи было учтено только по числу «душ» в семье («жен. пола ... д.»), без указаний личных имен и возраста. Поэтому в материалах нет ни одного женского имени. Одними из первых антропонимы посемейного списка с. Харбук стали изучать исследователи Х.А. Юсупов и М.А. Муталимов. В книге «Харбук: история и культура» есть список вышедших из употребления и забытых на сегодня личных имен, имен-прозвищ харбуццев, извлеченных авторами из этих материалов [13, с. 587–588; 3, д. 43. л. 243–374]. Однако авторы отошли от подлинных вариантов записей, дав только «осовремененные» их варианты на основе алфавита даргинского языка.

Мы учитываем, что записи личных имен и прозвищ жителей дагестанских сел, данные в «списках», – это лишь транслитерации имен жителей сел, записанные писарями окружного управления со слов квартальных выборных, избранных для оказания помощи при составлении «списков», а также ответственного составителя того или иного «списка». Но нетрудно восстановить реальное звучание большинства из них, используя для этого современные материалы.

Посемейный список с. Кубачи и характеристика имен его жителей (мужчины)

В ЦГА РД есть и «список» жителей с. Кубачи (Кубачинское сельское общество Уркарахского наибства Кайтаго-Табасаранского округа). По его данным, в Кубачи проживало 2 235 человек, в т. ч. 1 183 мужчин и 1 042 женщины. В селе было 507 домовладений. В «список» занесены имена всех мужчин села. Ответственным составителем «списка», судя по заключительной записи к «списку», был переводчик Управления Кайтаго-Табасаранского округа, подпоручик Гасан Джалалов [11, л. 178–372]. Писари в «списке» не указаны. Возможно, они были кумыками или азербайджанцами по национальности. Национальность переписчика и писарей нам важна, чтобы оценить качество записей, т. к. при фиксации имен многое зависело от них. Возможно, именно они при подготовке записей общались с выборными от кубачинского общества. Общение, скорее всего, проходило на кумыкском языке, который в то время в ряде регионов Дагестана был языком межнационального общения. При этом надо учесть, что в Кубачи в 1886 г., как свидетельствуют материалы «списка», не было ни одного жителя, знающего русский язык. К сожалению, на сегодня в архивах не выявлены и материалы, связанные с характером названных в последней записи «установленных правил», выработанных для составления «списков».

Некоторые извлечения из «списка» 1886 г. с серьезными ошибками (общая численность населения, размеры земельных угодий, скота, находящихся в пользовании жителей села и общества и др.) были опубликованы еще в 2000 г. известным кубачинцем, краеведом А.Г. Гусейновым [4, с. 222–225].

Составление «списка» в Кубачи закончилось 25 августа 1886 г. Интересно, что тот же Г. Джалалов работал в соседнем с. Харбук (там он завершил работу месяцем раньше, 30 июля). Поэтому опыт записи даргинских антропонимов и учета населения в крупном ремесленном центре у него уже был. Но здесь надо учесть особенности кубачинской антропонимии, вытекающие из фонетических особенностей кубачинского языка. Например, имя *Мамма* на кубачинском языке звучит как *Мямма*, а на харбук-

ском диалекте даргинского языка *МяхИямма*. Такая разница не позволяла успешно использовать накопленный опыт. На мысль о влиянии национальности составителя или писаря на качество записей имен наталкивают и особенности записей транслитераций на русский язык многих кубачинских имен. В конце многие имена имеют не звонкое *д*, а глухое *т*, что говорит в пользу того, что записывающий был кумыком. Он не всегда улавливал особенности звучания имен на кубачинском, и тексты показывают, что часто он «усреднял» их по своему опыту. Отсюда не всегда понятно, почему кубачинские имена *Мумяд*, *МухИуммад* (или *Мюмяд*, *МухИюммад*) писарь легко (как бы «на ходу») меняет на Магомет, Магамет, Мугамет, Мухаммет.

Необходимо еще учесть и то, что по тексту заметны как минимум два вида почерка, т. е. у переписчика могли быть в помощниках несколько писарей (они почему-то не указаны в заключительной записи «списка»). Разница в отдельных именах могла появиться и по той причине, что в Кубачи жили осевшие здесь жители из соседних даргинских сел, у которых были несколько отличные в фонетическом оформлении имена. Из исторических материалов конца XIX в. известно, что в Кубачи жили «окубачинившиеся» жители из сел Амузги, Шири, Уркутта, Дибгаши, Сутбука. В больших селах нередко оседали выселенцы-кровники из других сел. По преданиям, в семье кубачинцев Джалиловых прабабушка была кумычкой из с. Башликент. В Кубачи жили и другие выходцы из этого села. Но главная причина таких расхождений заключалась в том, что в «установленных правилах», видимо, ничего не говорилось о том, как и по каким правилам записывать имена.

Многие расхождения в передаче имен на русском языке связаны были и с тем, что за подачу сведений о жителях каждого квартала села, видимо, отвечал тот или другой «выборный», у каждого из которых были своя дикция и артикуляция в речи. Поэтому объяснимы расхождения при написании даже известных и популярных (заимствованных некогда из арабского языка) имен, легко транслитерируемых лингвистами сегодня (*Гаджи*, *Магомед*, *Ахмед*, *Гапур* и др.). Этим можно объяснить и то, что одни и те же личные имена написаны по-разному. Например: *Магомед* (*Магомед*, *Магомад*, *Маго-мат*, *Мугамад* и др.), *Ахмед* (*Ахмат*, *Ахмад*), *Гапур* (*Гафюр*, *Гафур*, *Гафар*), *Гаджи* (*Гаджи*, *Хаджи*, *Каджи*, *Коджа*), *Ибрагим* (*Ибрагим*, *Ибраим*), *Имима* (*Имима*, *Эми-ма*, *Амима*) и т. д.

К сожалению, отсутствие предварительно выработанных норм фиксации национальных имен в письменных текстах, правил транслитерации имен мусульманского населения на кириллицу усложняло задачу переписчиков. На сегодня еще не выявлены подготовительные материалы к переписи, ход обсуждения «переписных технологий»; не всегда ясна роль ответственного составителя и чиновников, контролирующих процесс составления «списков», образовательный уровень писарей и «выборных» от сельского общества (не все они знали арабский язык, большинство было неграмотно и потому не могло контролировать процесс записи, подсказывать писарям). Тем не менее, материалы «списков» уникальны, т. к. писари произвели транслитерацию мужских имен на русский язык в них в целом неплохо. Об этом свидетельствуют сличения с современными материалами по с. Кубачи [6, с. 178–191]. При этом можно полагать, что за прошедшие после переписи 130 лет фонетическая система кубачинского языка мало изменилась. В частности, это касается фонетической и морфологической структуры имен.

Материалы посемейных «списков» показывают, что основными антропонимами, как и во всем Дагестане, в Кубачи были имена арабо-мусульманского происхождения,

связанные с религией. Ислам в Кубачи утвердился в начале XIV в. Со временем он вытеснил доисламский именованник. По частотности имен на первом месте по популярности в Кубачи стоит имя *Магомед* и его варианты *Мумяд*, *МухЮммад* и *Мяммя*. Часто встречается имя *Гаджи* (*Хияже*) в виде «приставки» к сложным именам. Часто встречаются и имена *Ахмед*, *Ибрагим*, *Махмуд* (в кубачинском обычно используется *Бахмуд*, но в «списке» встречается только *Махмуд*, *Махмут* и др.), *Абдулла*, *Абакар*, *Гусейн*, *Али*, *Омар*. В отличие от новейшего времени в именованнике кубачинцев мало таких имен, как *Рабадан*, *Арслан*, *Меджид*, *Юнус*, *Юсуп*, *Абдулхалик*, *Абдулкерим*, *Закария*, *Амирбек* и др.

Особенно затрудняли, видимо, переписчика дагестанские имена в формах сложных имен. Поэтому они написаны то вместе (очень редко), то как два отдельных слова (как правило), в одном случае даже через дефис. Особенностью кубачинского именованника является то, что в нем, в отличие от даргинского именованника, много сложных имён, начинающихся с имени-приставки *Гаджи*: *Гаджиабакар*, *Гаджимяммя*, *Гаджибахмуд* и др. Поэтому иногда затруднительно определить, к какому имени относится «приставка» *гаджи* и др. – к личному имени или имени-отчеству, потому что в «списке» он всегда дается раздельно.

Интересны отдельные общественные традиции наречения такими именами, заметные в материалах переписи. В «списках» немало имен, где личное имя домохозяина арабо-мусульманского происхождения и имя его родителя (отчество) совпадают. Общественная традиция беречь память близких приводила к тому, что в первую очередь детям давали имена усопших предков: дедушек и прадедушек. Такое имя часто совпадало и с именем родителя. Дело в том, что, хотя и редко, еще при жизни стариков их имена давали родившимся сыновьям или внукам. Нередко имя ребенка могли поменять в первый год жизни ребенка. Например, это могло произойти при смерти отца или дедушки или же при тяжёлой болезни (по поверьям, это могло помочь ребёнку избавиться от недуга). Часто при отсутствии сыновей сохранить имена отца, деда старались дочери. Они давали имена отца, деда, матери, бабушки своим детям. Имя менялось (появлялась «приставка» *гаджи*) и после совершения паломничества (хаджа).

Самыми сложными для переписчика при записи оказывались имена арабского происхождения с абруптивами, лабиализованными, геминированными или сильными согласными. Переписчик не пытался передать геминированные или сильные звуки, но встречаются случаи, когда ряд таких звуков передан через две согласные (*Ата – Амма*, *Абдула – Абдулла* и др.). Отсутствие «установленных правил» порождало «стихию» в таких записях.

Остановимся и на ряде других фактов, выявленных в «списке». Например, на особенностях подачи имен в «списке». В списке нет имени известного кубачинского поэта Мунги Ахмеда (1843–1915). Это можно объяснить тем, что в «список» не были включены часто отсутствовавшие в селе кубачинцы. По биографическим материалам известно, что Мунги Ахмед рано осиротел, поэтому его воспитал дядя Ибрагим. Он был женат. Имел сына. Будучи взрослым, Мунги Ахмед часто уходил в отход на заработки (во второй половине XIX в. в Персию). Возвращался на побывку в село не через год, как это делали большинство кубачинских отходников, а через два года. Во время переписи 1886 г. он мог находиться в Персии. Возможно, по этой причине в списке указан только его 8-летний сын Халид (по тексту: «Халид Ахмед оглы») с матерью (по тексту: «жен. п. 1 д.»).

Интересно и то, что, по наблюдениям к. филол. н. Х.А. Юсупова, имя Халид (это имя сегодня не бытует в Кубачи, да и в 1886 г. оно единственное в селе) широко рас-

пространено среди соседей кубачинцев – сирхинцев, муиринцев, харбукцев. А из исторических преданий кубачинцев известно, что среди предков поэта Мунги Ахмеда были сирхинцы (с. Уркутта Дахадаевского р-на). В этой связи отметим, что мы не знаем, случайно ли и то, что в конце «списка» добавлены 3 хозяйства (то ли это отходники, вернувшиеся домой летом, то ли случайно пропущенные при переписи домохозяства).

Обращает внимание и другое единственное в «списке» имя *Аза* (скорее всего *Азай*, т. к. в такой форме имя встречается у соседних даргинцев-харбукцев). В воспоминаниях о времени Великой Отечественной войны известный кубачинский мастер Абдулла Абдурахманов писал об опытном амузгинском мастере Азайла Омаре, который в 1941–1942 гг. работал на вагоноремонтном заводе г. Орджоникидзе, занимаясь ковкой клинков, сабель для кавалерийских частей Красной Армии. Возможно, это и был сын того Азая (в 1886 г. Омару было 15 лет), проживавшего в Кубачи в 1886 г.

Кубачинский антропонимический материал 1886 года можно разделить на две тематические группы имен: собственно арабо-мусульманские (связанные с арабским языком и религией ислама) и «местные». Исконно кубачинские «местные» имена – это архаические имена, личные имена-прозвища и тухумные названия. Такое деление позволит выявить, как изменились имена в этих группах. Особое внимание уделено тому, что в «списке» оказались незафиксированными прозвища или, точнее, тухумные имена многих домохозяев. Такое наблюдение мы делаем на основе сравнений материалов «списка» с современными материалами. Но в кубачинской антропонимии 1886 г. есть немало имен-прозвищ, не бытующих сегодня.

Среди личных имен 1886 г. есть и имена, усеченные от сложных арабских имен. Так, имя *Гаджали* или *Гаджал* (*Хяжсал*, *Хяжале*) образовалось от *Гаджи+Али*. В «списке» есть и пласт имен-прозвищ и тухумных имен в виде «приставок» к сложным именам арабо-мусульманского происхождения. Первоначально многие «приставки» к именам передавали, как и в других языках Дагестана, особенности телосложения человека. Отсюда такие «приставки», как *Вика* (низкий, невысокий), *Хвала* (высокий). Интересно, что перепись зафиксировала популярность среди кубачинцев аналогичных «приставок» на даргинском языке: *Ника*, *Вишка* (маленький, младший, низкий), *Хулал* (большой, старший, высокий). Все это общие черты дагестанской антропонимии, и кубачинский материал демонстрирует те же закономерности.

К исконным кубачинским именам надо отнести и группу исторических имен или прозвищ и тухумные названия, производные от тех или других событий и явлений прошлого. Таковы имена и прозвища – *Мизгар* (от перс. *медь*, *латунь*), *Байгарчи* (от авар. *герой*), *Кечал* (от азерб. *плешивый*), *Нун*, *Вов* (возможно, от названий арабских букв). Нередко такие «приставки» или даже имена образовывались от названия места происхождения, прибытия человека, осевшего в Кубачи. Возможно, так произошли имена *Черкес* (от слова *черкес*), *Шан Гаджибакаар* (от названия села Шири (Шан), ныне Дахадаевского р-на РД).

Однако не все такие имена, прозвища и имена на основе тухумных названий легко «читаемы» для исследователя. Таковы семейные (тухумные) имена, прозвища – *Гюльфа* (*Къулпахъал*); *Шам* (*Шамхъал*); *Сунгай* (*Сунгайхъал*), *Цама* (*Цяммахъал*), *Чога* (*Чакъвахъал*) и др. Многие прозвища, известные сегодня, как отмечалось выше, не упоминаются в «списке». Это могло быть связано с тем, что фамилии вообще не записывались, фиксировались лишь имена и отчества. Если бы практиковали запись фамилий, то в «списках», возможно, присутствовали бы все бытующие на то время тухумные названия. Возможно, на отсутствие в «списке» ряда прозвищ повлияла и «упро-

щенная» подача отдельным «выборным» информации для переписчика либо на тот момент то или иное прозвище могло восприниматься его хозяевами с обидой. А некоторые прозвища могли возникнуть позже, т. е. они были неизвестны в 1886 г. (например, тухумное прозвище *Варшахъал*, по рассказам, связано с тем, что его носитель в начале XX в. часто ездил в город Варшаву).

Интересен еще один исторический аспект антропонимии кубачинцев. Сто тридцать лет, прошедшие после переписи, показывают динамику эволюции антропонимии кубачинцев. Мы имеем в виду не только новые имена последних десятилетий, связанные с современной массовой культурой. Речь об антропонимическом материале конца XIX в., не используемом сегодня. Таких имен в «списке» немало. Мы выявили более 180 личных имен, имен-прозвищ семей, которые сегодня не употребляются вовсе или носят небольшое число лиц старшего поколения. Такими именами уже не нарекают детей. Это имена *Алидар, Алтов, Хизри, Халид, Салей, Ваданай, Карахан, Бабагаджи, Караджи, Пахман, Вели, Тузар, Магомедали, Алиджан, Хасров, Черкес, Тагир, Лобач, Юсин, Тазир, Чигама, Пахру, Аза* и др. Единицы из них еще «на слуху» у современного старшего поколения. Эта работа требует дополнительных поисковых усилий.

Заключение

Посемейные списки населения Дагестана 1886 г. – ценный источник по антропонимии. Об особенностях такого источника свидетельствует и «список» Кубачинского сельского общества. Антропонимический материал, извлеченный из «списка», позволяет не только дополнить наши знания по культуре, социальной истории этого села (что было уже известно), но и получить данные по истории формирования его ономастико-на. «Список» 1886 г. позволяет получить материал и для сравнений с современными материалами, проследить динамику развития антропонимии за последнее столетие, «увидеть» истоки формирования практики транслитераций национальных имен на русский язык в официальном делопроизводстве.

Литература

1. *Абдуллаев И.Х.* Междагестанские и межкавказские языковые контакты: историко-этимологические, ареальные и ономастические исследования / отв. ред. М.И. Магомедов. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, Алеф, 2015. – 618 с.
2. *Багомедов М.Р.* [Исламский фактор в становлении и развитии ономастикона Дарга](#) // Исламоведение. – 2012. – № 1. – С. 117–124.
3. *Багомедов М.Р.* Словарь даргинских личных имён. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. – 169 с.
4. *Гусейнов А.Г.* Кубачи и кубачинцы. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 2000. – 278 с.
5. *Картоев М.М.* [О Докладе Департамента окладных сборов Министерства финансов Российской империи от 18 сентября 1887 г. № 1413](#) // <http://ingarchive.ru/publikacii/novost1.html>.
6. *Магомедов А.Дж., Саидов-Аккутта Н.И.* Кубачи: язык и фольклор / отв. ред. Г.Г. Тикаев. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2010. – 586 с.
7. *Махмудов М.Г.* [Участие дагестанских конных полков в Первой мировой войне: автореф. дис. ... канд. ист. наук.](#) – Махачкала, 2000.
8. *Нефляшева Н.* [Мусульмане Северного Кавказа в российской армии – "не задумываясь, жертвовать моей жизнью до последнего вздоха"](#). 6.06.2011 г. URL: www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/8061.
9. Посемейные списки жителей Грозненского округа. Составлены в 1886 г.: сборник / сост. М.Х. Ченсиева, Э.М. Эльмурзаева, У.Ш. Гадаев, А.И. Духаев; под ред.

И.Д. Инуркаевой. – Нальчик: Печатный двор, 2012. – 816 с.

10. *Рабданова С.М.* Даргинская антропонимическая система в сопоставлении с русской и английской. – Махачкала, 2000. – 128 с.

11. ЦГА РД. Посемейный список Кубачинского сельского общества Кайтаго-Табасаранского округа. 1986 г. Ф. 21. Оп. 5. Д. 42. Л. 178–362.

12. ЦГА РД. Посемейный список Харбукского сельского общества Кайтаго-Табасаранского округа. 1986 г. Ф. 21. Оп. 5. Д. 43. Л. 243–374.

13. *Юсупов Х.А., Муталимов М.А.* Харбукцы: история и культура. – Махачкала: Юпитер, 1997. – 592 с.

References

1. Abdullaev I.Kh. Mezhdagestanskije i mezchkavkazskie yazykovye kontakty istoriko-ehnologicheskie, arealnye i onomasticheskie issledovaniya / otv. red. M.I. Magomedov. Makhachkala: IYALI DNC RAN, Alef, 2015. – 618 s. (In Russian).

2. Bagomedov M.R. Islamskii faktor v stanovlenii i razvitii onomastikona Darga // *Islamovedenie*. – 2012. – № 1. – S. 117–124. (In Russian).

3. Bagomedov M.R. Spetsifika proyavleniya islamskogo mirovozzreniya v darginskikh nekronimakh // *Islamovedenie*. – 2012. – № 2. – S. 58–64. (In Russian).

4. Gusejnov A.G. Kubachi i kubachincy. Makhachkala: Dagknigoizdat, 2000. – 278 s. (In Russian).

5. Kartoev M.M. O doklade departamenta okladnykh sborov ministerstva finansov rossijskoj imperii ot 18 sentyabrya 1887 g. № 1413. URL: <http://ingarchive.ru/publikacii/novost21.html> (In Russian).

6. Magomedov A.Dzh., Saidov-Akkutta N.I. Kubachi yazyk i folklore / otv. red. G.G. Tikaev. Makhachkala: IYALI DNC RAN, 2010. – 586 s. (In Russian).

7. Makhmudov M.G. Uchastie dagestanskikh konnykh polkov v pervoj mirovoj vojne: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Makhachkala, 2000. – 190 s. (In Russian).

8. Neflyasheva N. Musulmane severnogo. Kavkaza v rossijskoj armii – ne zadumyvayas zhertvovat moej zhiznyu do poslednego vzdokha 06 iyunya 2011g. URL: www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/8061 (In Russian).

9. Posemejnye spiski zhitelej Groznenskogo okruga. Sostavleny v 1886 g.: sbornik / sost. M.Kh. Chensieva, E.M. Ehlmurzaeva, U.Sh. Gadaev, A.I. Dukhaev / pod red. I.D. Inurkaevoj. Nalchik: Pечатnyj dvor, 2012. – 816 s. (In Russian).

10. Rabdanova S.M. Darginskaya antroponimicheskaya Sistema v sopostavlenii s russkoj i anglijskoj. Makhachkala, 2000. – 128 s. (In Russian).

11. CGA RD. Posemejnyj spisok Kubachinskogo selskogo obshhestva Kajtago-tabasaranskogo okruga. 1986 g. // F. 21. Op. 5. D. 42. L. 178–362. (In Russian).

12. CGA RD. Posemejnyj spisok Kharbukского selskogo obshhestva Kajtago-tabasaranskogo okruga. 1986 g. // F. 21. Op. 5. D. 43. L. 243–374. (In Russian).

13. Yusupov Kh.A., Mutalimov M.A. Kharbuktsy: Istoriya i kultura. – Makhachkala: Yupiter, 1997. – 592 s. (In Russian).